

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)4

ЛЕПТА К «СТАТИРУ»: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ПАМЯТНИКА XVII В.

© А. А. Красильникова, 2013

*Институт гуманитарных наук и искусств
Уральского Федерального университета им. Б. Н. Ельцина
620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4*

Приведен обзор пермского издания памятника религиозного творчества конца XVII в. «Статир». Рассматриваются положительные и отрицательные стороны в контексте читательских ожиданий. Оценивается значимость издания «От избытка сердца говорят уста. Рукопись XVII века “Статир” и ее автор» применительно для изучения памятника ораторского мастерства XVII в.

Ключевые слова: строгановский культурный регион, русская литература XVII в., «Статир», проповедь, ораторское искусство, Орел-городок.

A review of the Permian edition as a religious art monument dated the late XVII century «Statyr» is given. Considered are its positive and negative aspects in the context of the reader's expectations. Assessed is the significance of «Statyr» publication for studying the XVII century monument of the oratory art.

Key words: Stroganov` cultural region, Russian literature of XVII century, «Statyr», spiritual culture, sermon, rhetoric, Orel-Gorodok.

Обращение в современной культуре к памятникам прошлого как никогда актуально, особенно, учитывая новые издательские и исследовательские возможности. Публикация памятников религиозного творчества требует использования не только историко-филологических методов, но и учета богословской традиции. Значимый как для характеристики региональной словесности, так и для раскрытия образного воплощения религиозных поисков, памятник конца XVII в. «Статир» привлекает своим содержанием и эмоциональным пафосом, авторской позицией. Подтверждением служит книга «От избытка сердца говорят уста. Рукопись XVII века “Статир” и ее автор» (далее – «От избытка сердца говорят уста...»), которая издана в 2011 г. в Перми при поддержке администрации Усольского муниципального района.

Как гласит краткое предисловие, эта книга «...должна стать открытием для широкого читателя, дать представление об истории создания «Статира» и драматической судьбе автора, познакомить с лучшими образцами его творчества» [7].

Памятник, о котором идет речь, впервые описан в 1842 г. А. Х. Востоковым как сборник проповедей на главные праздники церковного года, язык которых впечатляет своей выразительностью и силой авторского начала. В качестве времени и места создания рукописи анонимный автор указал период 1683–1684 гг., Орел-городок – центр

строгановских владений того времени. Уже во второй половине XIX в. художественная ценность «Статира», как назвал свою книгу проповедник, признана в руководствах по гомилетике [8, 9].

Не ставя целью воспроизвести всю историю изучения рукописи, обозначим степень решения основных вопросов:

1. О пути рукописи от времени написания до ее появления в Румянцевском музее имеются только предположения, специальных исследований не предпринималось. То есть мы не можем определенно сказать, пролежал ли «Статир» непереплетенным 150 лет в книжной клети Строгановых или он хранился у потомков написавшего его священника.

2. Время и место создания, указанное автором, не оспариваются.

3. Социально-культурная обстановка во владениях Строгановых того времени представлена в работах Л. С. Соболевой [11, 12] и Н. А. Мудровой [6].

4. Вопрос о личности автора «Статира» остается дискуссионным, представляется справедливым вывод Д. М. Буланина о недостаточности имеющихся данных для однозначного определения автора [2].

5. Последние лингвистические наблюдения над языком памятника сделаны еще дореволюционными учеными [4, 5], систематических исследований не появилось.

6. Круг источников и количество обращений автора к каждому из них обозначены в публикации

П. Т. Алексеева [1], его данные уточняет А. С. Елеонская. В своей монографии, посвященной русской ораторской прозе, исследовательница на примере конкретных образов и мотивов анализирует характер использования пермским проповедником произведений Кирилла Транквиллиона и Симеона Полоцкого, приходя к выводу об освоении автором «Статира» литературного наследия этих писателей, а не подражании [4].

7. Для изучения художественного языка «Статира» также важно выделение образа автора, его особенностей и функций, которое А. С. Елеонская проводит в той же монографии. Развивается тема образа автора в работе Л. С. Соболевой [11, 13]. Помимо выделения А. С. Елеонской специфики ораторской интонации и ее средств, наблюдения дореволюционных исследователей стиля, композиции и изобразительных средств памятника не уточнялись. Например, до сих пор не обращалось внимания на ритмическую организацию многих проповедей, которая делает их пограничным явлением между прозой и стихом.

8. Идеиное своеобразие «Статира» разрабатывается в работах Л. С. Соболевой [11], А. С. Елеонской [4], темы некоторых поучений раскрыты П. Т. Алексеевым [1].

Труд пермского проповедника был высоко оценен дореволюционной гомилетикой, занял определенное место в истории ораторской прозы. Изучен социокультурный контекст появления «Статира», многое сделано для осмысления образа автора, но о художественных инструментах, с помощью которых создан памятник, мы знаем пока недостаточно. В то же время современная национальная риторика нуждается не просто в хороших образцах, но в раскрытии приемов их создания.

Каковы ожидания от книги, предназначенной для широкого читателя? С одной стороны, ясность, доступность изложения и обобщение имеющихся в наличии результатов исследований, а с другой – такая книга должна не только дать общее представление о своем предмете, но и заинтересовать читателя, пробудить его любопытство, вручить ему ключи от дверей, ведущих в мир большой науки.

В целом, можно выделить две основные стратегии, по которым строятся научно-популярные издания. Первая стратегия делает ставку на максимальную наглядность и ясность языка – картинки, инфографика, примеры, информация систематизируется и представляется в наиболее удобном для восприятия виде. Вторая стратегия заключается в обращении к образно-эмоциональной сфере, вовлечении читателя в путешествие по смоделированному художественными средствами миру.

Стратегию построения книги «От избытка сердца говорят уста. Рукопись XVII века “Статир” и ее автор» трудно определить однозначно. Это

сборник, в составе которого есть повесть, публицистические и научные статьи, а также отредактированные отрывки из текста рукописи. Открывается издание вступительной статьей-эссе редактора сборника С. М. Баркова. После просмотра фотографий и иллюстраций читатель погружается в повесть В. А. Шенталинского «Статирь», затем знакомится с архивом одного из исследователей рукописи, который представлен в редакции того же В. А. Шенталинского.

Во второй части книги читателя ждет серьезная статья Н. А. Мудровой, которая широко освещает вопросы, связанные с «Статиром», и размышления протоиерея Артемия Веденеева о возможном жизненном пути автора рукописи и его духовном преемстве от Трифона Вятского. Последнюю, третью часть издания составляют отредактированные выдержки из поучений «Статира» в переводе с церковно-славянского протоиерея Иоанна Яхонтова, приведенные им в его книге, изданной в 1883 г.

Насколько можно понять из вводной статьи, сборник представляет совокупность отзывов различных авторов: «каждый из авторов книги, которую вам предстоит прочесть, увидел в «Статире» свое...» [7, с. 10]. Редакторское слово также становится одним из взглядов, оно не вводит читателя в структуру сборника и не дает первоначальных сведений о его теме. Есть художественное введение, призванное пробудить любопытство читателя, представив ему особенно яркие отрывки из рукописи, но далее читатель оказывается сбитым с толку: с ним разговаривают так, как будто он уже знает и о спорных догадках П. Т. Алексеева, и о том, почему автор «Статира» внезапно назван отцом Потапом.

Жанр своего труда под названием «Статирь» В. А. Шенталинский определяет как документальную повесть, правда, узнать об этом можно только перейдя к следующему разделу сборника – публикации материалов из архива исследователя П. Т. Алексеева. Сюжет повести: изложение истории знакомства с этим архивом, романтизированная биография автора «Статира» (также по материалам П. Т. Алексеева), обзор судеб «служителей Слова», т. е. диссидентов и «еретиков» с XI по XX в. Руси/России и не только – от Сервантеса и Цицерона к Орфею. Конечно, автор рукописи неизбежно оказывается в этом ряду.

Отсутствие указания на жанр произведения оставляет читателя в недоумении – он прочитал вступительную статью, заинтересовался и ожидает получить конкретные факты, ответы, на возникшие вопросы, и заглавие «Статирь» обещает эти ожидания оправдать. Но работа В. А. Шенталинского не дает объективной информации, она предлагает художественное осмысление наработок одного из исследователей, целостную картину чита-

тель должен достроить самостоятельно. При этом количество штампов (как приемов), используемых при построении текста повести, свидетельствует об ориентации на массового читателя, но соседствующие рядом с художественными пассажами элементы научного стиля не позволяют ни массовому читателю, ни специалисту однозначно воспринять предложенную работу.

Учитывая, что «Статирь» В. А. Шенталинского в большой степени претендует на создание мифа, не имеет смысла перечислять все спорные с исторической точки зрения моменты его повести, равно как и давать оценку стилю изложения. Однако необходимо отметить, что, следуя лейтмотиву своего произведения, писатель полностью игнорирует христианскую традицию, внутри которой жил и творил автор рукописи. В результате возникает систематически некорректная трактовка слов проповедника. Приведем лишь пару примеров. Так, слова о цели воплощения Христа («чтобы обновить все естество человеческое, восставить падшего Адама, просветить во тьме сидящих, разрешить связанных смертью, сокрушить силу вражью, связать мучителя, освободить от рабства род человеческий и привести всех в познание истины» [7, с. 77]) интерпретируются В. А. Шенталинским как голос «бунтаря-освободителя», который пробивается в проповедях священника. На самом деле приведенная цитата – это традиционная формула, ее вариации неоднократно звучат во время богослужения, и описывает она таинство, которое неизмеримо глубже классовой борьбы.

Еще один из примеров некорректной трактовки: «Вот ведь что возвестил местному люду в пресветлый день Рождества Христова: *О человек, познай свое достоинство!* Д Dissидент какой-то, правозащитник, предтеча Солженицына и Сахарова, за три века до них, может быть, первым на Руси возгласил: *О человек, познай свое достоинство!*» [7, с. 68]. И снова, достаточно только богослужебных текстов, посвященных Рождеству, чтобы увидеть, что и здесь автор «Статира» лишь актуализирует древнюю богословскую мысль (и в этом его уникальность для своего времени). Именно в праздник Рождества Христова особенно громко звучат возгласы удивления тем, что Тот, Кто из ничего сотворил мир, счел для Себя возможным стать человеком, чтобы спасти свое падшее создание. Именно рождение Богочеловека, в котором соположены и человеческая, и божественная природы, заставляет проповедника восклицать: «*О человек, познай свое достоинство! Для тебя Бог Чудный облекся плотью*» [7, с. 392].

Повесть В. А. Шенталинского основывается на предположениях П. Т. Алексева, репрессированного преподавателя, энтузиаста, который после возвращения из ссылки восстанавливал результаты

своих разысканий и приложил много усилий, чтобы определить автора «Статира». В рассматриваемом издании писатель попытался представить материалы архива П. Т. Алексева как целостную работу, предварив ее сведениями о судьбе и состоянии архива, биографии автора, а также фрагментами его писем. Говоря о методе своей работы, В. А. Шенталинский ограничивается сообщением, что «...не было другого выхода, как пойти по пути составления, воссоздания текста из множества различных материалов, стараясь максимально следовать замыслу автора» [7, с. 113].

Раздел с разысканиями П. Т. Алексева составляет почти четверть книги. Первая глава, пожалуй, самая любопытная, посвящена описанию рукописи, составу и характеру использования источников автором «Статира». Исследователь приводит список книг, которые были вложены Г. Д. Строгановым в церковь Похвалы Богородицы, где служил автор «Статира», а также количество его обращений к каждому из источников. Здесь же даны переводы из рукописи со сведениями астрономического, географического и естественно-исторического характера.

Во второй главе П. Т. Алексеев пытается определить имя проповедника, написавшего «Статирь». Исходя из спорных предпосылок о сроке его пребывания в священном сане, исследователь на основе данных переписной книги Федора Бельского 1678 г. называет его Потапом Прокопиевым, который в этом году числится «попом» среди клира церкви Похвалы Богородицы. На основании еще более спорных предположений в следующей главе П. Т. Алексеев отождествляет автора «Статира» с деятелем разинского восстания, атаманом Ильей Ивановым, который фигурирует в записях воевод под фамилиями-кличками Пономарев, Попов, Долгополов. Почти все такие спорные моменты прокомментированы в статье Н. А. Мудровой, которая следует после труда П. Т. Алексева.

В остальных трех главах раскрываются различные аспекты проповеднической деятельности автора «Статира» как «трибуна бедноты», неустанно напоминающего о милосердии, как просветителя, отвечающего на актуальные запросы современности, и как бесстрашного, гонимого обличителя, ставшего в конце концов, по мнению П. Т. Алексева, жертвой собственной непримиримости. Приводимые выдержки из поучений «Статира» далеко не везде позволяют согласиться с их интерпретацией. Например, традиционный христианский мотив противостояния врагам невидимым, то есть духам злобы и собственным страстям, который регулярно возникает в проповедях священника, также регулярно трактуется как преследование видимыми врагами – «богатеями» и невежами.

В результате, судьба автора «Статира» обретает такую драматичность, что исследователь неизбежно

приходит к выводу о постигшей его катастрофе, которая и скрыла в безвестности труд проповедника. Возможно, конечно, подобная драматизация образа автора, как отмечает С. М. Барков во вступительной статье к сборнику, была намеренным ходом, чтобы способствовать публикации памятника в советское время.

Таким образом, в разделе, посвященном наследию П. Т. Алексеева, читатель познакомится с биографией исследователя и судьбой его архива, сможет представить, как выглядит рукопись, узнает, какой литературой пользовался проповедник при написании своих поучений и как часто обращался к тому или иному автору. В главах же, посвященных автору «Статира», находим обоснование и разъяснение положений, уже известных читателю из повести В. А. Шенталинского, так что некоторые выдержки из рукописи встретятся уже в третий раз. При этом листы рукописи их содержащие указываются впервые.

В конце раздела с трудами П. Т. Алексеева, около 20 страниц с переводами из «Статира», указан номер слова и листы рукописи, на которых оно расположено, но опущены заглавия поучений, откуда взяты выдержки. Перевод выполнен В. А. Шенталинским, использовавшим перевод П. Т. Алексеева как подстрочник для сравнения его с оригиналом, «чтобы сохранить точность и блеск авторского слова» [7, с. 114]. Судить насколько это удалось, как предлагает В. А. Шенталинский читателю, затруднительно, поскольку весь объем первоисточника, доступный читателю для изучения, ограничивается двумя фотографиями страниц из предисловия к рукописи, разбросанных по сборнику.

Когда речь идет о выдающемся явлении, а «Статир», несомненно, именно такое явление, всегда возникают вопросы: *В какой среде оно создавалось? Почему именно в это время и в этом месте возникло?* Приблизиться к ответам на эти вопросы читателю, наконец, помогает работа Н. А. Мудровой, специалиста по истории книжной культуры на Урале.

Свою обширную статью Н. А. Мудрова начинает с обзора предпринимательской и культурной деятельности Г. Д. Строганова, который в «Статире» обозначен как главный покровитель автора. Затем она отдельно останавливается на книжной культуре строгановских вотчин, приводит любопытные факты, свидетельствующие о высоком уровне грамотности, интенсивном переписывании и обращении книг между жителями строгановских владений, о составлении целых рукописных библиотек, владельцами которых подчас были крестьяне.

В следующих двух разделах автор делится предположениями о пути рукописи из Усолья в собрание Румянцева, рассказывает об истории изучения памятника и вводит в контекст традиции оратор-

ского искусства, приводя реальные сведения о творчестве отдельных выдающихся деятелей.

Далее, комментируя предисловие к «Статире», Н. А. Мудрова раскрывает особенности авторской позиции и переходит к обзору смысловой стороны памятника. Здесь к списку уже знакомых читателю идей добавляется наблюдение о том, что в поучениях памятника важное место занимают рассуждения о роли Церкви и духовных пастырей в деле избавления людей от пороков, а также о долге каждого человека развивать данные ему от Бога таланты и употреблять их на пользу людям, в том числе прилагать усилия к нравственному росту ближних.

Заключительная часть статьи уральского историка посвящена дискуссионным вопросам, связанным с именем автора «Статира» и подробностями его биографии. Подробно анализируя доводы П. Т. Алексеева за отождествление атамана Ильи Иванова и Потапа Прокопиева как предполагаемого автора «Статира», Н. А. Мудрова приходит к выводу о полном отсутствии доказательств, подтверждающих эту смелую гипотезу. Также подробно проанализированы данные об авторе рукописи, приведены аргументы за и против имени Потапа Прокопиева. Завершается работа еще одним экскурсом в биографию П. Т. Алексеева и судьбы его архива – данью подвижническому труду исследователя.

Таким образом, для широкого читателя статья Н. А. Мудровой становится первым в сборнике последовательным рассказом о «Статире», который на фактологическом материале рисует исторический, бытовой и литературный контекст создания памятника.

Завершает авторскую часть пермского сборника эссе протоиерея Артемия Веденеева, в котором он, исходя из предположения о принадлежности «Статира» перу Потапа Прокопиева, реконструирует его возможный жизненный путь и духовные связи. Рассматривая деятельность Г. Д. Строганова, Артемий Веденеев предполагает, что вотчинник рассчитывал использовать отца Потапа как «своего человека», но обличительный и сострадательный характер его проповедей, а также увлечение самого Г. Д. Строганова стремлением к власти, сделали публикацию «Статира» неактуальной.

Третья часть издания включает переводы из «Статира», сделанные протоиереем Иоанном Яхонтовым и опубликованные в 1883 г. в его книге «Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения “Статир”». В переводе И. Яхонтова и редакции В. А. Шенталинского приведены вирши, кроме того, писатель перевел завершающую «Статир» молитву. На этот раз читатель имеет возможность познакомиться с полным текстом избранных поучений с указанием со-

бытия, которому они посвящены. Положительным моментом является и наличие ссылок на библейские цитаты, используемые проповедником.

Как видно из обзора сборника, за исключением пары фотографий листов рукописи, явно не предназначенных для чтения, он не дает возможности читателю встретиться с оригинальным текстом памятника. Даже беглое сравнение с оригиналом показывает, что в переводе протоиерея Иоанна Яхонтова значительно искажается ритмическая организация текста, составляющая характерную черту оригинала, а также полностью разрушаются синтаксические параллелизмы, которые можно назвать конструктивным принципом поэтики памятника.

Перевод же В. А. Шенталинского корректней называть адаптацией, поскольку он заключается в основном в замене морфологических форм на современные, и то не всегда последовательно: например, звательный падеж в одном месте заменяется именительным, а в другом оставляется, хотя замена в обоих случаях разрушает фонетическую гладкость текста. В то же время действительно представляющие для читателя сложность слова типа «всеблаговиновнаго» остаются без перевода, местами встречаются и грубые ошибки. Так, «мыслию горе», т. е. «мыслью вверх», становится «мыслью в гору», а «молитвенница» – «молитвой» [7 с. 543], и в результате весь пассаж о заступничестве Богоматери получает превратное толкование.

Тем не менее по сравнению с переводом XIX в. такое минимальное вмешательство более предпочтительно, так как позволяет лучше передать художественные особенности оригинала. Отдельный вопрос вызывает причина замены единственного числа на множественное в той части виршей, где речь идет о враге, ищущем поглотить душу [7, с. 538]. В результате этот фрагмент о враге рода человеческого сливается с предыдущим пассажем о «непокорниках», деятельность которых в такой редакции обретает поистине inferнальный характер.

В целом, сборник «От избытка сердца говорят уста...» станет для широкого читателя своеобразным пазлом, собрать кусочки которого в единую картину ему предстоит самостоятельно, а ориентиром будет служить статья Н. А. Мудровой в середине книги. Такой формат нельзя назвать «мягкой пищей» в терминах автора «Статира», зато самым терпеливым он продемонстрирует палитру подходов к изучению памятника и, возможно, пробудит желание глубже разобраться в дискуссионных вопросах.

Форму представления текстов самого памятника сложно назвать удачной – это либо адаптации, никак не проясняющие для читателя непонятные места, но искажающие текст, либо перевод, сделанный еще в XIX в. и игнорирующий художе-

ственные особенности поучений пермского проповедника. С оригинальным текстом «Статира» на данный момент можно ознакомиться в публикации поучения «в Неделю 30-ю по Сошествии Святаго Духа (яко прелщаетъ диаволь прелестию мира сего яко музыкаю, и яко не просто нищета спасаетъ и богатство погубляетъ, и на блудниковъ)» в приложении к статье Н. Ф. Сгибневой [10]. К слову, это же поучение более объемно выявляет авторскую позицию по вопросам богатства и нищеты, показывая некоторую односторонность того образа пермского священника, который сформирован в повести В. А. Шенталинского и в его обработке архива П. Т. Алексеева.

Со времени 1883 г. «От избытка сердца говорят уста...» – первое издание, полностью посвященное «Статиру». Будет ли оно чем-то полезно специалисту? Поможет ли оно сделать шаг вперед в изучении памятника?

Например, была бы востребована работа, обобщающая последние результаты исследований, связанных со «Статиром». Но в центре рассматриваемого сборника – разыскания П. Т. Алексеева, чьи результаты со слов самого исследователя были опубликованы, пусть и без доказательств, еще в 1962 г. А. А. Введенским [3], и дискуссия, которую они вызвали, уже закончена.

В частности, вопрос об авторстве Потапа Прокопиева подробно рассмотрен в монографии Л. С. Соболевой, посвященной рукописной литературе Урала [11], там же представлены обширные сведения о книжной культуре строгановских вотчин. Если для неискушенного читателя статья Н. А. Мудровой будет введением в историю «Статира», то для специалиста она станет лишь кратким изложением предыдущих работ самой исследовательницы и других ученых.

Таким образом, если рассматривать книгу «От избытка сердца говорят уста...» в контексте прогресса в изучении памятника, то придется признать, что это, если не шаг назад, то движение на месте – мифологический подход скорректирован более взвешенной позицией. При этом для истории изучения «Статира» пермский сборник, безусловно, интересен публикацией архива П. Т. Алексеева. Стремление воздать должное многолетнему труду репрессированного исследователя-энтузиаста и явилось движущей силой издания этой книги. По сути книга «От избытка сердца говорят уста...» в большей степени о труде П. Т. Алексеева, чем о «Статире».

Что касается самого «Статира», то поскольку работа по его изучению и подготовке к изданию продолжается, то есть надежда, что и специалист, и обычный читатель со временем сможет лучше познакомиться с творчеством священника, служившего в конце XVII в. в Орле-городке.

Литература

1. *Алексеев П. Т.* «Статир» (описание анонимной рукописи XVII века) // Археографический ежегодник за 1964 год. – М., 1965. – С. 92–101.
2. *Буланин Д. М.* Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // Рус. лит. – 1980. – № 3. – С. 137–142.
3. *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. – М., 1962. – С. 240–241.
4. *Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. – М., 1990. – С. 164–191.
5. *Мальшевский И. И.* Русский приходской священник – проповедник XVII века // Труды Киевской духовной академии. – Киев, 1861. – № 4. – С. 453–454.
6. *Мудрова Н. А.* Уникальный памятник культуры // Усолье – мозаика времен : в 2 ч. – Пермь, 2004. – Ч. 1. – С. 121–156.
7. От избытка сердца говорят уста. Рукопись XVII века «Статир» и ее автор / ред.-сост. С. М. Барков, Т. Б. Соколова. – Пермь : Раритет-Пермь, 2011. – 551 с.
8. *Поторжинский М. А.* Историческая хрестоматия для изучения истории русской церковной проповеди. – Киев, 1879. – С. 289–303.
9. *Сгибнева Н. Ф.* Памятник уральской словесности XVII в. «Статир»: итоги и проблемы изучения // Камский путь : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Строгановские чтения-3. Лингвист. и эстет. анализ текста и речи». – Соликамск, 2009. – С. 87–89.
10. *Сгибнева Н. Ф.* «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей конца XVII в. «Статир» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. – 2011. – Т. 90, № 2. – С. 223–237.
11. *Соболева Л. С.* Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности. Очерк 2. Рукописная традиция строгановского региона. – Екатеринбург, 2005. – С. 17–55.
12. *Соболева Л. С.* Уральский контекст сборника проповедей «Статир» // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII вв. – Екатеринбург, 2006. – С. 118–145.
13. *Соболева Л. С.* Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10, № 8. – С. 175–186.

Материал поступил в редакцию 27.08.2013 г

Сведения об авторе: *Красильникова Алиса Александровна* – аспирант кафедры фольклора и древней литературы филологического факультета,
e-mail: *aa-krasilnikova@yandex.ru*